

В больнице Корейского университета с раннего утра было людно. За главными воротами по обе стороны тянулись два огромных корпуса, соединённые внушительным переходом-небоскрёбом.

Рядом с главным корпусом притулилось длинное узкое здание, похожее на трубу, — Центр неотложной помощи. Внутри него располагались приёмный покой, детская реанимация и травматология.

Сама больница была запутана, словно паутина. Я глянул на телефон — вроде время ещё есть. Зашёл в кафе на первом этаже главного корпуса и встал в длинную очередь.

— ...ним, ...хасэё.

Голос пробился сквозь беспроводные наушники. Поняв, что это не больничный гул и не шум кафе, я поднял глаза.

Передо мной стоял молодой парень в накрахмаленном белом халате. Пока очередь быстро таяла, я снял наушники и убрал их в карман, разглядывая незнакомца. Заметив, что я его не расслышал, он снова повернулся и слегка поклонился:

— Профессор, здравствуйте.

Только тогда до меня дошло, что он обращался ко мне.

Парень то и дело косился то на заметку в телефоне, то на меню. В руке у него была кредитка —

чья, непонятно. Я скользнул взглядом по бейджу на его груди. Ординатор Чон Уиль. Значит, Чон Уиль. Из любопытства я спросил:

— Сколько чашек?

— Четырнадцать.

Чон Уиль ответил, и я мельком глянул на список заказов в его заметках.

Латте с двойным эспрессо, большой американо с четырьмя шотами, капучино с умеренными сливками, мятно-шоколадный фраппе... Заказы были такими разномастными и причудливыми, что я всерьёз задумался — не издеваются ли над интерном специально?

Хотя ординаторы и так считались низшей кастой в больничной иерархии, обычно их не травили так открыто. Я посмотрел на доктора Чона и спросил:

— Тебя травят?

— Что?

У доктора Чона глаза округлились, как у кролика, и лицо стремительно сменило выражение. Он явно не знал, что ответить, — на лице мелькало недоверие, сменяющееся подозрением, что его и правда могут травить.

— Ты из какого отделения?

— Психиатрия.

— Психованные уроды.

Я выругался в адрес психиатров, которые заставляют замученного недосыпом ординатора заказывать кофе под их личные прихоти.

Услышав моё бормотание, он тихо рассмеялся — прямо как святой. Ординаторы — низшее существо в больнице. Не зря говорят, что даже пол в больнице стоит выше интерна.

У них было ещё одно прозвище — «самсин» (три духа). Означало оно: обжора за едой, призрак в поисках места для сна и дурак за работой.

Бедный ординатор внешне улыбался как святой, но внутри, наверное, думал о том же, что и я. Хотя я не собирался особо вмешиваться. Да и что я мог сделать? Не нравится — через год станет резидентом.

Очередь сдвинулась. В стеклянные стены больницы врвалось утреннее солнце, и уведомления в «КакаоТоке», всю ночь почти молчавшие, вдруг заверещали как оглашенные. Я уткнулся в телефон, и доктор Чон заговорил:

— Если вы спешите, можете заказать первым.

— Спасибо.

Отказываться я не стал. С таким дурацким заказом ему и бариста придётся провозиться долго.

Быстро схватив свой американо, я хлопнул интерна по плечу пустым стаканчиком, когда он уже расплатился. Он кивнул — мол, идите спокойно. В кафе повалила толпа.

В Центр неотложки я вошёл по коридору, соединявшемуся с главным корпусом. Бродя по больничным лабиринтам, я часто думал о кровеносных сосудах.

Глядя, как по коридорам снуют люди в халатах и разной униформе — кланяются, спешат, — я чувствовал, что мы все как клетки крови в огромном теле больницы.

Кто-то — эритроциты, кто-то — тромбоциты, кто-то — лейкоциты. Работа у всех разная, но никто не лишний — тут все были согласны.

Я допил половину кофе, пока шёл в раздевалку. Подошёл к своему шкафчику, отпер замок. Дверца скрипнула, я допил остатки и швырнул пустой стакан в урну на стене. Если попадал — день считался задатком.

Бум.

Стаканчик закачался на краю урны и вывалился наружу.

— А, чёрт.

С досадой я подошёл к урне и нагнулся. Подобрал стакан, уже совсем пустой, и выкинул, после чего обернулся.

Сзади стоял ординатор — секунду назад его здесь не было. Бесшумный, словно телепортировался. Я уже хотел сказать, чтоб не подкрадывался, но осекся.

Вид у него был мрачный и серьёзный, как у полководца, вернувшегося с поражения.

То было лицо с благородными чертами и мягким голосом — третий год ординатуры по неотложке, главный ординатор.

В годы интернатуры и первого курса он привлекал всех своей мягкостью и братским обликом — пациенты и персонал его обожали. Но теперь Нам Джунхо, ординатор-третьекурсник, был просто вымотан повседневностью.

Я вопросительно наклонил голову, и Нам Джунхо заговорил голосом, полным усталости:

— Э-э, профессор Кан. Врач, который должен был сегодня выйти... Только что позвонил и сказал, что не сможет.

Я покосился на урну, куда упал стаканчик.

Может, это всё из-за плохой приметы? Да нет, бред. Говорят, от шока слова теряешь — вот у меня как раз такой случай. Я остолбенел настолько, что не мог вымолвить ни слова.

Сегодня в травматологию должен был выйти новый хирург. Я слышал, что он задержится по личным делам, но опоздать и вовсе не прийти — это, знаете ли, две большие разницы.

В Центре неотложки, особенно в травматологии, вечная кадровая голодовка. Чем активнее отделение работало, тем глубже уходило в минус, а минус, естественно, закрывали за счёт экономии на зарплатах.

Правда, в последнее время государство подкидывало поддержку (пусть и мизерную), так что до критической точки пока не доходило.

Скажем так — мы на грани, но ещё держимся. Однако найти толковых специалистов, готовых работать на постоянку, было не так-то просто. Профессор Ким Хён Ук, глава травматологии, вроде как пытался зазвать людей отовсюду, но, честно говоря, я относился к этому скептически.

Травматологи получали меньше других врачей, а работали жестче реаниматологов. Даже те, у кого чувство долга было в крови, старались держаться подальше от такого места.

Я быстро взял себя в руки — к сожалению, потому что это было далеко не в первый раз.

— Что он сказал? Передумал?

— А, нет, он не сказал, что совсем не придёт.

Нам Джунхо принялся медленно объяснять: я, мол, неправильно понял его слова.

— Сейчас он в больнице Университета Инха.

— Чего? Зачем?

Я с грохотом захлопнул дверцу шкафчика и резко обернулся. Чёрт, неужели эти из Инха его перехватили? Увидев моё недоумение, ординатор заговорил быстрее:

— Утром по дороге на работу он попал в аварию — в автобус врезалось такси. И сейчас он в операционной.

— В каком смысле — в аварию?.. погоди, ты сказал, он в операционной, но не как пациент? Он сам так сказал?

— Да, автобус столкнулся с такси, и таксист, похоже, в тяжёлом состоянии. Они собирались запрашивать перевод в Корейский университет, но доктор Чхве сказал, что прооперирует сам, если в Инха подготовят операционную.

— Он псих? Он что, в дораме снимается?

— Он даже отказался от ответственности подписал, и опекун согласился. И вот ещё...

Нам Джунхо показал мне экран телефона. Если учесть время, которое потребовалось бы на транспортировку из больницы Инха сюда, пациент, скорее всего, не дожил бы даже до операционной. Нам Джунхо, похоже, думал так же. Больше смотреть было не на что.

—Если с пациентом что-то пойдёт не так, ответственность ляжет не на нашу больницу, верно? А что сказал профессор Ким?

— Профессор разрешил. Сказал — пусть делает что хочет, а потом возвращается.

Ну да, потому он и пришёл ко мне. Всё же «делает что хочет» — это перебор. Я сунул руки в карманы халата и посмотрел на ординатора. Интересно, он понимал, что говорит?

Профессор Ким был хорошим и достойным человеком, но иногда у него съезжала крыша. Я переспросил с сомнением в голосе:

— Слушай, он случайно не Фанта?

— Ха-ха.

Смех интерна из кафе наложился на смех Нам Джунхо, но я сделал вид, что не заметил. «Доктор Фанта» — это врач, который «наезжает» на пациентов. (Фантой называли доктора, при котором у больных всё шло наперекосяк.)

Стоило такому врачу появиться — и пациенты, которые чувствовали себя нормально, вдруг начинали сдавать, или же валил поток тяжёлых случаев.

Хотя научного объяснения этому не было, почему-то из десяти врачей один всегда оказывался Фантой. Я как раз прикидывал, не окажется ли тем самым Фантой доктор, которого привёл профессор Ким.

Если утром по дороге на работу он умудрился попасть в аварию — ну кто он после этого?

— Ладно, выживет или нет — его дело.

Пробормотал я голосом, в котором сквозила уже почти жалоба. Нам Джунхо снова настороженно покосился на мою реакцию.

— Э-э, а как насчёт моей смены сегодня?

— А, это ты должен был уйти, когда придёт доктор Фанта?

В моей голове имя нового врача уже прочно закрепилось как доктор Фанта.

Чхве Чжунхан.

Выпускник Корейского университета. Сразу после получения корейской лицензии сдал американский медицинский экзамен, прошёл интернатуру в Травматологическом центре Райдера в Майами, США, по специальности «неотложная медицина и травматологическая хирургия».

Необычным был его двухлетний опыт работы на военном госпитальном судне ВМС США. Похоже, профессор Ким познакомился с ним на какой-то конференции в Штатах. Честно говоря, когда я услышал о его карьере, меня посетила только одна мысль:

«Должно быть, он псих».

Человек с таким послужным списком не может быть в своём уме. И сегодня он уже успел подтвердить это.

<http://bllate.org/book/20325/2038180>